

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ

МОСКВА
1938

Из переписки

А. П. Чехова и О. Л. Книппер

Продолжение ¹



23. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

27 февр[аля] 1903 г. Ялта].

Здравствуй, актрисуля! Погода пасмурная, темная, но все же я брожу по саду, обрезаваю розы; сейчас сижу немножко утомленный. Тепло, хорошо. Насчет пьесы подробно напишу тебе около 10 марта, т. е. будет ли она написана к концу марта, или нет. Про Швейцарию я не забыл, помню, ибо жажду поскорей остаться с тобою вдвоем¹. Здоровье ничего себе.

Про «Столпов» я еще не читал в газетах, ничего не знаю, но судя по телеграмме твоей ты не совсем довольна. Если так, то могу посоветовать одно: наплюй, дусик. Ведь теперь пост, пора уже отдыхать, жить, а вы все еще портите себе нервы, надсаживаетесь неизвестно ради чего. Только и удовольствие, что Вишневский снесет лишнюю тысячу в банк², а на кой вам чорт эта тысяча?

Вспоминается, что когда начинался Художеств. театр, то имелось в виду не обращать внимания на то, как велики сборы; Немирович говорил, что раз пьеса нравится театру (не публике, а са-

мому театру), то она будет итти раз 30—40 даже при 20 рублях сбора... Изволь ка вот теперь сочинять пьесу и думать все время, думать и раздражать себя мыслью, что если сбора будет не 1600, а 1580 рублей, то пьеса эта не пойдет, или пойдет, но только с огорчением.

Духи у меня есть. Одеколон есть. Мыло для головы есть.

Писал ли я, что открытые письма с «Мещанами» и «На дне» мною от Алексеева уже получены? Если не писал, то имей сие в виду и поблаговари Алексеева, когда увидишь. Поняла?

Больше писать не о чем, балбесик. Хочу только одного: взять тебя за ухо, притянуть и поцеловать двадцать раз в лоб и подбородочек. Пиши мне побольше, а то письма твои короче клопиного шага. Брату своему и племяннику, если они еще не уехали, поклонись.

Обнимаю родную мою, хорошую.

Твой А.

1. У Чеховых было предположение пожить летом в Швейцарии.

2. А. Л. Вишневский ведал в то время хозяйственной частью театра.

24. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

27 февр[аля] 1903 г. Москва] утро.

У тебя нехорошо на душе все это время, дорогой мой. Я чувствую это в каждой строчке, в каждом слове, как ни скрывай. Такое душевное состояние никогда больше не должно повторяться,

слышишь? Никогда. Как это будет — не знаю еще, но будет иначе.

У нас солнце, воздух чудесный, весна будет хорошая, т. к. весь снег, всю гадость уже свели и на улицах чисто. Тебе скоро можно будет приехать. Ах, Антон, если бы сейчас была твоя пьеса! Отчего это так долго всегда! Сей-

¹ См. «Новый мир», кн. 10 с. г.

час надо бы приниматься и чтобы весной ты уже видел репетиции. А то опять все отложено на неопределенный срок; я начну с тобой поступать более энергично. Так нельзя душик милый. Киснуть и квасить пьесу. Я уверена что ты еще не сел. Тебе верно не нужны тишина и покой для писания. Надо чтобы была толчея и суета кругом. Авось тогда ты засядешь. Ну, прости, только обидно что так долго. Ждут, ждут без конца и все только и слышишь кругом: «ах если бы сейчас была пьеса Чехова!» Напишешь ее к весне и потом опять положишь киснуть на неопределенный срок. Как она тебе не надоест!

Вчера сыграли вторые Столпы. Прием и публика куда выше первого спектакля.

Газеты все похваливают. Даже Эфрос уж не так сильно пощипал.

Мне скучно, я злюсь. Пойду сейчас гулять. Маша пристаёт с квартирой, а у меня нет энергии и т. к. есть план совсем иной на будущ. зиму (о кот. я тебе писала) о кот. я Маше не говорила, чтобы зря не волновать ее, то я и не знаю что надо делать.

Я больше не могу жить с сознанием что ты где-то, далеко от меня, влачишь жизнь, тоскуешь, терпишь. Я этого не могу. А что надо делать, тоже не знаю. Но так невыносимо. Ты это понимаешь?

Целую тебя. Ты верно слишком много сидел на воздухе, оттого и нездоровится. Не могу больше писать. Надоело мне все.

Твоя Оля

25. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

28 февр[аля] 1903 г. Москва].

Голубчик мой, я как-то сурово писала тебе вчера — правда? Ты не сердись-ся? Я начинаю нервиться. Я не знаю когда увижусь с тобой. Я ничего не знаю. Жизнь какая-то глупая, никак ее не устроишь. А хочется чтобы все было хорошо.

Сегодня нет солнца и это меня раздражает. Серо. Думаю о тебе и мне тяжело. За тебя и за себя. Я уже не представляю себе как мы с тобой увидимся, какими?! Теперь дни у меня свободные, но вечера без перерыва с 24 февр. до 8-го марта все заняты. Дни я теперь провожу большею частью у мамы с Левочкой¹, с Костей. Костя вчера смотрел На дне и в большом восторге. Мне жаль что он не увидит Три сестры. 4-го он уезжает.

О Петербурге ничего еще неизвестно. Едем или не едем.

Квартиру у Коровина думаем брать, только ты должен тогда скорее приехать. Я тебе буду ванночку делать и в постельку укладывать. И комната тебе там отдельная. Но лестница меня смущает, хотя...

Мишиной девочке лучше, а мальчик кажется прихворнул теперь. Лица² в Москве, видела ее в театре — нарядная, помпезная.

Вчера На дне было очень много провинциальных актеров и антрепренеров. После 1-го акта кто-то сильно свистел. Было смешно. Оказалось пьяный и его вывели.

Конст. Серг. поднялся как-то духом, бодрый. Не дожидается твоей пьесы. А чтобы ты не говорил, что написанное тобой — старо и неинтересно, надо скорее это мне прочесть и убедить что это хорошо, изящно и нужно. Понимаешь? А то ты там в одиночестве чего, чего не надумал. Со мной забудешь все что выдумал за эту зиму.

На выставке Style moderne я тебе купила красивенькую полочку и не знаю — прислать ли с Алексиним или оставить здесь для твоего «кабинета». Думаю, что лучше последнее.

Будь здоров душик мой. Тебе верно странно думать что где то далеко есть у тебя мифическая жена, правда? Как это смешно.

Целую и обнимаю тебя много раз, мой мифический муж. Кланяйся мамаше и всем и Альтшулеру.

Твоя Оля.

1. Лев Константинович Книппер — советский композитор, племянник О. Л. Книппер.

2. Лидия Стахиевна Мизинава — близкая знакомая Чехова и всей его семьи.

26. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

1 марта [1903 г. Ялта].

Актрисуля милая, приехали Ярцевы, рассказывают, что «Столпы» им не понравились, но что ты была очень хороша. В Русских Ведомостях читал сегодня похвалу. Вообще я газетчикам не верю и верить не советую. Эфрос хороший малый, но он женат на Селивановой, ненавидит Алексеева, ненавидит весь Художеств. театр, — чего он не скрывает от меня. Кугель, пишущий о театре в десяти газетах, ненавидит Художеств. театр, потому что живет с Холмской, которую считает величайшей актрисой.

У нас цветет камелия, скажи об этом Маше.

Ну, как живешь, дусик? Как чувствуешь себя? Ярцев говорит, что ты похудела, и это мне очень не нравится. Это утомляет тебя театр. Получил я письмо от Немировича, пишет, что давно не имел от меня писем, между тем я очень недавно писал ему. Его адрес: Б. Никитская, д. Немчинова? Так?

У нас прохладно, но все же я сижу на воздухе. Софья Петровна Средина очень похудела и очень постарела. Леонид В. не встает; сидит в постели, и это уже давно. Сельди я получил, спасибо. Тут как то Ольга Михайловна привезла мне 2 десятка селедок и я ем их все время.

Говорят, что Горький приезжает ско-

ро в Ялту, что для него готовят квартиру у Алексина. Едет сюда, по слухам, и Чириков. Вот, пожалуй, некогда будет писать пьесу. И твой любимчик Суворин¹ приедет; этот как придет, так уж с утра до вечера сидит — изо дня в день.

Когда же ты увезешь меня в Швейцарию и Италию! Дуся моя, неужели не раньше 1 июня? Ведь это томительно, адски скучно! Я жить хочу!

Ты сердисься, что я ничего не пишу тебе о рассказах, вообще о своих писаниях. Но, дуся моя, мне до такой степени надоело все это, что кажется, что и тебе и всем это уже надоело и что ты только из деликатности говоришь об этом. Кажется, но — что же я поделаю, если кажется? Один рассказ, именно «Невеста» давно уже послан в Журнал для всех, пойдет вероятно в апрельской книжке, другой рассказ начат, третий тоже начат², а пьеса — для пьесы уже разложил бумагу на столе и написал заглавие.

Ну, господь с тобой. Благословляю тебя ласково, целую и обнимаю дусю мою.

Твой А.

1. Слово «любимчик» употреблено здесь иронически.

2. После «Невесты» рассказов Чехова больше в печати не появлялось. О каких начатых рассказах он здесь говорит, — неизвестно.

27. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

1 марта [1903 г. Москва].

Я уже перестала понимать, о чем тебе писать, дорогой мой. Бессмысленно, все как-то кажется. Надо вместе жить, вот и все.

Телеграмму конечно, послала я, а не Вл. Ив. Ведь пишу же: целую, скучаю. Разве так написал бы Влад. Ив.? Настроение в труппе хорошее, бодрое. Столпы имеют успех. Принимают хорошо, сочно. Мне приятно играть Лону. Как мне хочется, чтобы ты увидел меня в Насте и Лоне! Значит, ты верно предчувствовал что Лона мне удастся.

Приехал Горький. Я его видела. 4-ого

он едет в Ялту, с Алексиним. У него кровохаркание появилось. Поедет подкрепляться. Он говорит, что послал тебе «На дне». Получил? Завтра заседание. Будем отстаивать Тургеневский спектакль. [. . .].

Буренина я не читала.

Касторочка помогла тебе, дусик мой нежный? — Засел за пьесу наконец? Что ты делаешь целый день? Я бы на твоём месте писала целый день.

Извозчики меня изводят. Мостовые и медленная езда. Это что-то ужасное.

Я пол-дня бегала по магазинам с Костей и Элей. Устала. Потом ездила слевой и Костей к головному доктору.

У Левы залегает одна ноздря и брат хотел посоветоваться. Ничего особенного. Были у Шлиппе. Лева держит себя великолепно, как истый мужчина. Он тебе бы ужасно понравился. Какой то он гармоничный.

Были с Машей у Ганецкой, чтобы переговорить насчет квартиры, но она была занята. Не знаю, что делать.

Мишиным детям лучше. Мальчика спустили на ноги. Успокой мамашу. Все благополучно. Завтра Вл. Ив. едет в Петербург. Решат окончательно относительно поездки. Когда ты думаешь приехать, дусик мой?

28. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

3 марта [1903 г. Ялта].

Милюся моя, только что собрался написать тебе, как пришла начальница [гимназии] и не одна, а привела с собой учителя одного. Теперь сидят внизу и пьют чай, а я спешу написать тебе сии строки.

29. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

3 марта [1903 г. Москва].

Вчера не писала, дусик милый, очень уж был тревожный день. Утром я встала очень мрачная. Поехала к Чемоданову, оттуда на заседание, и конечно опоздала на $\frac{1}{2}$ часа.

На заседании произошел инцидент, кот. сильно всех взволновал. Влад. Ив. начинает говорить очень дельно, очень существенно о нашем репертуаре, что при такой гонке за современностью и за вкусом публики театр никогда не станет на твердую почву. Что вовсе нет заслуги в том, что мы ставим Горького, а заслуга, что мы заставили его писать. Заслуга в том что мы съумели играть Чехова, но из этого не следует что мы должны ставить и Андреева и Скитальца, etc... Вдруг Морозов останавливает его и говорит что это к делу не относится что он отклоняется. Влад. Ив. ответил, что сам знает что относится к делу, встал и вышел. Молчание. Я не сдержалась, вспыхнула и сказала Морозову, что он не имел права обрывать Влад. Ив., раз он говорил о деле. Вспыхнул

Скоро уже настоящая весна.

Вчера у нас были Лика с Екатор. Шенберг и Гольцев, вечером. Я застала только дам. Лика ужасно располнела, колоссальная женщина, нарядная, шурующая. Я чувствую себя такой плюгавкой перед ней.

Клопов у нас нет совсем. За то мыши бегают по постели, по крайней мере я нашла свежие следы на подушке.

Ну покойной ночи, мой милый, мой мифический муж [. . . .]. Обнимаю тебя; целую крепко много раз и прижимаю.

Твоя Оля.

Я здоров, ничего не болит, кашляю меньше. Скучно. Погода хуже.

[. . . .] Постарел я!

Идут! Будь здорова!

Твой А.

Вишневский и конечно все были на стороне Вл. Ив., исключая Н. После моих слов, Морозов встал и вышел, прося снять председательство на время. Все сидели, молчали; я тут же заявила что поеду к Влад. Ив. и если нужно и к Морозову, чтобы уладить это дело, и извинюсь перед Саввой. Вспыхнула я оттого, что вообще у Саввы невозможный тон с Влад. Ив. и с Марией Петр. Большинство высказалось, что всем делается не по себе когда Морозов разговаривает с Вл. Ив. Сидели мы долго и обсуждали что теперь делать. К. С. очень умно и спокойно сказал много о заслугах Влад. Ив. Решили всем составом ехать к Немировичу и затем к Морозову и просить его объясниться с Вл. Ив. Симов, Артем Александров, Н. Лужский ничего не высказывали, молчали как и всегда. [. . . .]. Я высказала, что с весны весь тон Морозова по отношению к Влад. Ив. таков, будто он находит его лишним для дела. Многие подтвердили. [. . . .] Мария Петр. говорила о невозможном тоне Морозова на заседаниях. Успокоил всех К. С. [. . . .]

Влад. Ив. был тронут что все приехали к нему. Тут уже немного улеглись нервы и начали посмеиваться. Стаховича отправили к Морозову, предупредить что мы все едем. Приехали. Я как вошла, извинилась перед Саввой, как перед председателем за свою вспышку. К. С. начал просто и ясно говорить с Саввой, просил сбросить всю деловую оболочку, весь тон заседаний и говорить просто. Мария Фед. собралась с духом и очень ясно все формулировала и Савва согласился объясниться с Влад. Ив. Потом я отвела Савву в другую комнату и откровенно высказала ему, что наше дело может только существовать на полной вере, что все мы необходимы для дела, т. е. главн. образом К. С. и Вл. Ив., что с весны я замечала его отношение к Влад. Ив. Отношение было таково, будто Вл. Ив. не нужен для дела что мы и без него обойдемся; сказала ему что он как ум-

ный человек должен видеть что Влад. Ив. делает очень много, отдает все и не получает ничего. Савва ответил, что за последние месяцы он видит что Вл. Ив. для театра, и что у него с ним хорошие отношения. Поговорили и расстались дружно. Вл. Ив. вечером уехал в Петербург.

Знаешь, Антон, может это все глупо, но очень хорошо, что так вышло [. . .] Вообще многое выяснилось. Утомлены все были адски.

Кончаю уже в театре, во время Столпов. Завтра напишу все, а то глупое письмо вышло. Сегодня верно мало придется спать, после спектакля поеду к маме — последний вечерок с Костей; завтра он уезжает. Сегодня болталась. Покончили с квартирой в д. Коровина. Не знаю — хорошо ли будет! Целую обнимаю тебя крепко [. . .]. Целую.

Твоя собака.

30. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

4 марта [1903 г. Ялта].

Милый мой дусик, у нас в Ялте торжество: открылся магазин Кюба, настоящего петербургского Кюба. Завтра пойду погляжу, что у него есть и напишу; быть может, уже не понадобится привозить из Москвы всякую закуску.

Ты делаешь мне выговор за то, что у меня еще не готова пьеса и грозишь взять меня в руки. В руки бери меня, это хорошая угроза, она мне улыбается, я только одного и хочу — попасть к тебе в руки, что же касается пьесы, то ты вероятно забыла, что я еще во времена Ноя говорил всем и каждому, что примусь за пьесу в конце февраля и в начале марта. Моя лень тут ни при чем. Ведь я себе не враг, и если бы был в силах, то написал бы не одну, а двадцать пять пьес. И очень рад, что пьесы нет, так как вам не репетировать теперь нужно, а отдыхать. Работать так умеренно — это свинство по меньшей мере!

У нас прохладно, но все же не дурно. Насчет будущей зимы я еще пока ничего не решаю, но особенно радужных надежд на ону не возлагаю. Пока

только могу сказать, что до декабря в Москве буду жить (особенно, если шубу сошьешь), а потом, вероятнее всего, придется удрать за границу, на Ривьеру или в Нерви, что ли, эдак до 15 февраля, потом назад в Ялту. Будем пребывать в разлуке, но что же делать!! Ничего не выдумашь, как ни верти головой. Вот если б ты забеременела, тогда бы в феврале я взял тебя с собой в Ялту. Хочешь, дуся? Какого ты мнения? Даже согласился бы зимовать хоть в Архангельске, все равно тогда, только бы из тебя вышла родительница.

Поедете в Петербург? Да, или нет?

И так, завтра пойду к Кюба, понюхаю европейской цивилизации. Перебираетесь на новую квартиру? На каком этаже? Если высоко очень, то я буду всходить полчаса, это ничего, все равно делать мне в Москве нечего.

Ванна ванной, а все таки я прежде всего в баню. Вот жаль квартиры Голицыной, там баня близко.

Ну, бабуля моя, обнимаю тебя и, обнявши, начинаю прыгать по комнате, потом целую [. . .] и щелкаю по носу, дусик мой.

Твой А.

31. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

4 марта [1903 г. Москва].

Дорогой мой Антон, здравствуй. Ходишь по саду, обрезаешь розы? Я люблю, когда твоя длинная фигура бродит по дорожкам. У тебя такой сосредоточенный вид, когда ты сидишь на скамье, и журавли около тебя.

У нас солнышко начинает пригревать. У меня скоро покажутся веснушки. Стоят славные солнечные дни при—2°. Бодро и крепко в воздухе. Весенний воздух уже действует. Антончик, ты не имеешь понятия когда мы наконец увидимся? В Петербург почти решили ехать. Это ужасно. Везут На дне и Дядю Ваню, значит я буду дуть подряд 17 вечеров и 3 утренника. Мы с тобой зато заработаем, хоть сколько нибудь. Тебе придется около двух тысяч. На эти деньги поедем попутешествовать. Согласен?

Я сегодня провожала Костю с Левой. Они поехали на экспрессе прямо до Тифлиса. Чудесный поезд. Мне так захотелось удрать! Даль солнечная, ясная. Приятный ребенок — Левка. С ним так легко ехать. Он всегда сам занимается. Когда едет на извозчике, всегда молчит и думает. Не юлит, не кричит. Нежный мальченок и вместе с тем живой, резвый, но не дикий, не шалун. Ведь хорошо такого иметь, как ты думаешь? Игрушек повез он с собой массу. Его все задали в Москве.

32. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

5 марта [1903 г. Москва].

«На дне»¹.

Как живешь, дусик мой милый? Когда кончится эта безобразная разлука?!

Знаешь я познакомилась с бывшей Сашей Киселевой? И оказывается, что я ее мужа тоже знала студентом. Она хорошенькая. Была у меня в уборной во время Яди Вани.

Сейчас Каширин рассказывал Конст. Сергеевичу что в Екатеринодаре, в Трех сестрах, помощник режиссера во время пожара выдумал надеть пожарную каску и прыгал под окном, как

Я ему на прощанье привезла еще заводной поезд и он, устроясь в купе, занялся им, был в восторге. Мне жаль было расставаться с ним. Маме, бедной, так грустно будет теперь, так мертво в доме без Лезы.

Прости, дусик, что вчера я так бесвязно кончила письмо. Но хотелось его отправить с Горьким, кот. был в театре на Столпах. Я дописывала его в конторе, чуть не стоя. Теперь ты уже прочитал в газетах про Столпы? Доволен, или тебе все равно?

Об инциденте пока молчание. Морозов верно разговаривал с Влад. Ив. в Петербурге. Я думаю что не будет никаких последствий. А Морозов будет знать что можно и что нельзя.

Ты верно посмеялся здорово? Только молчи о всем этом.

[. . . .].

Сегодня выбирали обои для новой квартиры. 8-го верно будем переезжать.

Ксению я отпускаю на 6-ой неделе.

Мне скучно. Что мы оба почувствуем когда встретимся? Зачем этот Петербург подвернулся? Некстати.

Будь здоров, дорогой мой. Как тебе не стыдно, что ты при писании пьесы можешь думать что вдруг она не будет давать полный сбор. Даже в шутку нельзя допускать этой мысли. Слышишь, золотой мой? Целую горячо твою милую мягкую голову. [. . . .].

Твоя собака.

рил секретарь Морозова. А я ничего не получу, покроется только часть моего долга.

Видел ли ты Горького? Говорят у Сулера брюшной тиф. Жаль беднягу. Напишу ему.

Мне страшно надоело играть На дне. Очень хочется играть Елену Андреевну² в новом тоне. Может надумаю чтонибудь.

Так Ярцев рассказывал тебе о Столпах, обо мне, о Москве?

Сегодня я была у Ольги Мих. — ее рождение. Хотяинцова обедала у нас.

Все скучно; я теряю аппетит ко всему. Верно утомилась. Сплю как сурок. Это хорошо.

Ты еще не хочешь бросить такую жену как я? Мне так совестно перед тобой — ты представить не можешь! Не называй меня никогда женой — слы-

шишь? Выдумай другое слово, умоляю тебя.

Как твоё здоровье, как кишочки? Что ты кушаешь и с аппетитом ли? Креозот принимаешь? Рыбий жир пьешь? Я живу по привычке.

Обнимаю тебя [. . .].

Что ты думаешь обо мне?

Кланяйся мамаше. Как ее здоровье?

Ты недоволен моими письмами? Верю искренно.

Получил ли фотографии нашего театра? Послал Алексеев. Я тебе тоже заказала а он перехватил, жулик.

Целую тебя, дорогой мой и крещу трижды.

Твоя Оля.

1. Пометка указывает, что письмо пишется в театре во время спектакля «На дне».

2. В «Дяде Ване».

33. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

5 марта [1903 г. Ялта].

Дусик мой, актрисуля, так как я уже не литератор, а гастроном, то сегодня отправился в магазин Кюба, уже открытый. Там оказалась чудесная икра, громаднне оливки, колбаса, которую делает сам Кюба и которую нужно жарить дома (очень вкусная!), балык, ветчина, бисквиты, грибы... Одним словом, из Москвы не нужно уже ничего привозить, кроме круп и пшена. Мне кажется, что и окорока к празднику следует теперь покупать у Кюба. Пишу тебе обо всем этом, потому что сегодня был Альтшуллер и уверял меня, что до середины апреля мне нельзя ехать в Москву ни в каком случае. Дуся моя, жена моя, актрисуля, голубчик родной, не найдешь ли ты возможным приехать в Ялту на Страстной, а если поедете в Петербург, — то на Фоминой? Мы бы с тобой чудесно пожили, я бы поил тебя и кормил чудесно, дал бы тебе почитать «Вишневый сад», а потом вместе и покатили бы в Москву. Альтшуллер клянется, что плевет у меня еще не всосался и что ехать ни в каком случае нельзя. Приезжай, роднуля! Театр даст тебе отпуск, я упрошу, если твоих просьб будет недостаточно. Напиши, что прие-

дешь, а главное подумай. Подумай, как для тебя лучше и удобнее. Но я так соскучился, так жажду видеть тебя [. . .], что у меня нет терпения, я зову и зову. Ты не сердись, дуся, а сначала подумай, обсуди. И если решишь ехать, то пойди теперь же закажи билет (на Неглинном), а то к празднику не найдешь. И напиши мне, как ты решишь.

В «Вишневом саду» ты будешь Варвара Егоровна, или Варя, приемыш, 22 лет¹. Только не сердись, пожалуйста. Ты не пиши, а телеграфируй одно слово: «приеду», или «нельзя».

Ты вот пишешь, что не знаешь, как мы встретимся, а я так чувствую, точно мы вчера расстались, и я встречу тебя так, как будто ты не переставала быть моей ни на один день.

Сегодня от тебя нет письма.

6 марта. Пишу на другой день. Из твоего сегодня полученного письма видно, что вопрос с Петербургом еще не разрешен отрицательно, что быть может еще поедете. Если так, то приезжай в Ялту после Петербурга; вообще обсуди все как нужно и, если не найдешь нужным или возможным приехать, то так тому и быть, я покорюсь и сам приеду без всяких разговоров. Решай ты,

ибо ты человек занятой, рабочий, а я болтаюсь на этом свете как фитюлька.

Сегодня сильный ветер, неприятно... Если пьеса у меня выйдет не такая, как я ее задумал, то стукни меня по лбу кулаком. У Станиславского роль комическая², у тебя тоже.

Ну, пупсик, будь здорова. Я тебя люблю, а ты там как хочешь. Твоя фотография выставлена в магазине Волковой, на окне.

Обнимаю тебя и целую.

Твой заштатный муж А.

Мятных леденцов не покупай больше. Мармелад есть у Кюба.

1. Чехов впоследствии передумал и дал О. Л. Книппер в «Вишневом саде» другую роль — Раневской.

2. Чехов первоначально предназначал К. С. Станиславскому роль Лопухина, но он играл Гаева.

34. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

7 марта [1903 г. Москва].

Антосик мой, bonjour. Скажи мне, где ты наконец, и когда думаешь увидеться с женой? А если погода будет теплая, солнечная, разве тебе нельзя будет хоть в конце Святой быть в Петербурге? Это неисполнимо? Напиши мне. Напиши все, что думаешь, чтобы мне знать, чего ждать, на что надеяться.

Пьесу ты должен писать, несмотря на приезд именитых гостей. Ты должен писать, должен знать, что это нужно, что этого ждут, что это хорошо. Подбодрись, дусик милый, ведь ты же живой человек, а не сухарь, и я не люблю, когда ты себя сушишь. Ведь ты мягкий, изящный, тонкий, поэт настоящий, и ты должен давать это людям. Должен чувствовать что это доставляет радость людям. Напрасно ты думаешь, что я что либо говорю из деликатности. Я в этом смысле совсем не такая деликатная.

У нас ясно, солнечно, но утром было — 9°. Сейчас была в новой квартире. Посылаю тебе план. Иметь понятие можешь о квартире.

Сейчас пришло твое письмо. Успокойся. [...] Скоро придет Бунин с женой Голоушева в Ялту.

Сегодня читают два акта Найденов-

ской пьесы. Я ее совсем не знаю. Примусь за нее. Я вероятно буду свободна. Сегодня последний спектакль, а затем передышка, слава богу. Будем устраиваться на новой квартире. В конце четвертой может поеду с Марией Петр. к Черниговской — спать, есть и гулять, словом в себя приходить. Она очень зовет. К. С. все время говорит чтобы ты приезжал и если пожелаешь, пожил бы у Черниговской со мной. Там хорошая гостиница, отличный стол. Съездим, дусик? Вдвоем?

В Швейцарию поедем и будем блаженствовать и жить одной любовью. Так? А пока будем еще терпеть.

Будь здоров, дорогой мой. Не унывай. Пиши пьесу, умоляю тебя. Я тебя всего ужасно понимаю и чувствую.

Целую тебя. Спальня у нас очаровательная будет в новой квартире — светлая, розовая. И весна к тому же. Неужели ты Пасху будешь в Ялте?

Обнимаю тебя крепко и горячо. Приехал бы сюда кончать пьесу, а? Квартира хорошая, воздуху много будет, солнце. Подумай и отвечай скорее. Мы с тобой на Сухаревке купим стол хороший, старинный, еще кое-что и будет кабинет.

Твоя Оля.

35. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

9 марта [1903 г. Москва].

Мы переехали, дусик дорогой и довольны до бесконечности. Удивительная квартира — ты увидишь и будешь доволен. Много света и воздуха. Уютно,

славно. Почти все уже устроено, кроме столовой. Посуда стоит так, т. к. шкаф Маша взяла себе и теперь надо покупать буфет. Попробую заказать столу из простого дерева, авось дешевле выйдет. Если ты не захочешь покупать себе

письм. стол и диван, то можем взять у д. Карла, ког. уезжает до Ноября месяца в деревню. Это как ты захочешь.

Мы обе очень устали с перевозкой. Вчера закусывали в вегетарианской столовой — смешно! ¹. Мы с тобой сходим туда. Обедали у Фейгиных. Перевезли все благополучно. В твоём кабинете уже висит твоя группа, полочка с куклами из мха и ковер. Ждут своего хозяина. Спальня — очарование. Тебе жить захочется.

Вчера во время перевозки я ещё успела съездить на заседание — отстаивать Тургеневу.

Отстояли. Найденовская пьеса провалилась на чтении. Актеры возмутились

при мысли что её можно ставить у нас. Очень слабая пьеса. Напишу подробнее. Тургеневу все рады, примутся с наслаждением. Ты доволен? Будем ходить в Румянц. музей собирать материалы.

А ты привози Вишневы сад, при тебе за него примемся и тебя оживим всего.

Пока до завтра, иду спать, ноги вытирать. Вчера выпал снег, сегодня все тает, тепло, чудесно. Целую тебя крепко, тысячу раз. Будь здоров.

Когда приедешь?

Твоя собака.

1. Вегетарианские столовые были в ту пору новинкой.

36. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

10 марта [1903 г. Ялта].

Мне, дуся моя, и грустно, и немножко досадно, что ты и Маша держите меня в неизвестности: переехали вы на новую квартиру, или нет ещё? И где этот дом Коровина, о котором ты писала? В Пименовском пер., или где нибудь в другом месте? Посылаю это письмо в театр, и перестану писать тебе впредь до получения нового адреса, или извещения, что вы ещё не перебрались.

Получил я сегодня фотографии — снимки с фойе и проч. Большое спасибо! Передай Тихомировой, которая сидит в конторе, что книга («На дне» Горького) посылается заказною бандеролью, а не посылкой, и что в посылки нельзя вкля-

дывать писем. В каждой из трех полученных мною посылок было по письму.

Ты говоришь, что я уже забыл тебя, какая ты есть. Да, дуся, я уже не помню, блондинка ты или брюнетка, помню только, что когда то у меня была жена. В Петербурге или Мария Петровна захворает, или Станиславский утомится, а посему на 3 тысячи, о которых ты пишешь, надежд я не возлагаю.

Одно письмо я послал в Пименовский пер., и теперь боюсь, что оно не дошло ¹.

Красова я не знаю, никогда не видел. Ну, господь с тобой, будь здорова и весела. Целую тебя и обнимаю.

Твой А.

1. Оно действительно затерялось.

37. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

10 марта [1903 г. Москва] вечер.

Ужасно меня взволновало твое письмо, дусик мой милый, бывший литератор, теперь же гастрон! Мне было и хорошо и мучительно. Хорошо — оттого что я почувствовала что ты меня любишь а мучительно — от желания поскорее увидеть тебя и от мысли что я ничего не могу сделать, чтобы поскорее держать в своих объятиях моего гастрона. Теперь ты уже знаешь, что Святую и Фомину мы в Петербурге, а в половине Апреля ты прямо приедешь в Москву на другой день моего приезда,

чтобы я могла тебя встретить. А до тех пор, значит, терпим. Ты пишешь а я играю.

Я, дусик, растрепанная. Прости и не сердись. Ты мне через два слова все пишешь: не сердись. Разве я уж такая сердитая? Я бываю противная когда меня что нибудь мучает.

У нас очаровательно в квартире. Все восхищаются. Мама мне прислала целое окно цветов — лак-фиолы, примулы, резеды и гиацинты — и у меня весна на этом окне, одна рама стоит открытая, чтобы воздуху было больше цветам.

Вечером была Дроздова и М-те Ковницер. Я все убиралась. Потом села, попела, чтобы тоску разогнать. Резонанс хороший.

Получила роль Дарьи Ивановны в Провинциалке. Ты пишешь что я играю глупенькую, Варю. Мне нравится это. Я рассказала это Марии Петровне, а она смеется, уверяет, что это роль для нее, что драмат. она играть не может. Мы решили что поцарапаемся. Она отказывается играть «Где тонко там и рвется», чтобы беречь силы для твоей пьесы. А эту вещичку можно по моему ставить только с ней; [. . .]. В «Нахлебник» (Артем) играют мужа и жену: Леонидов и Андреева, помещиков: Лужский и Баранов, дворецкого — Вишневыский, помещика Иванова — Тихомиров. В Провинциалке: графа — Конст. Серг., мужа — Москвин. Тебе нравится этот спектакль?

Дусик, напиши мне насчет стола и дивана; если согласен, то я еще на Страстной велю их привезть от мамы. Д. Карл будет счастлив.

Пьеса Найденова нехороша. Первые два акта на Волге, на кожев. заводе. Среда богатых заводчиков, атмосфера душная. Непонятный Максим тяготеет

к ней и уходит. Все очень мило, приятно, жизненно, но не сочно и фундамента нет. 3-й акт — бывший первый, в мебелир. комнатах, и 4-й там же. Точно другая пьеса начинается. Ни одного действ. лица из двух актов, кроме Максима. Появление неизвестной. Скучно и непонятно. Или еще раз надо почитать. Если ставить ее — значит погубить Найденова. Если бы я ее раньше прочла, я бы ему откровенно сказала, чтобы он не давал этой пьесы театру. Интересно что ты скажешь?!

В Четверг я вероятно поеду к Алексеевым в Черниговскую «обитель», отдыхать. Я замоталась.

Дусик, [. . .]. Не с кем поболтать и о серьезном и о глупостях. Это ужасно. А как хорошо в спальнях у меня! Чисто, светло. Моя комната большая, в три окна и рояль у меня теперь стоит. Ты можешь гулять сколько угодно. И твой кабинет рядом. Наши три комнаты подряд, совсем отдельно.

Ну, дуся, прости меня, нелепую бестолковую женщину, [. . .].

Обнимаю тебя, целую [. . .].
Твоя Оля.

Получила письмо от Ладыженского, кланяется тебе.

38. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

11 марта [1903 г. Москва] вечер.

Сегодня я часа три сидела у Чемоданова, ждала очереди, первый раз пришлось ждать так долго. Он очень извинялся. А я ничего, сидела, обдумывала Провинциалку. Потом отправилась в Румянцевский музей, где были уже все наши, рылись в журналах 40, 50, 60-х годов. Срисовывали мебель, костюмы, гримы. Потом пошли чай пить в Прагу и съели по растягайчику. Меня звали г-н Книппер, т. к. я была одна женщина. Говорили о Нахлебнике. В шестом часу разошлись. Дома я застала д. Сашу и Авг. Шольца — переводчика. Он говорил о Берлине, о желании перевести твои произведения.

В Kleines Theater ставят Дядю Ваню, режиссер в восторге от этой пьесы. Шольц сам напишет тебе и будь умник, дусик, пусть он переводит и высылает

деньги, все несколько сотен наберит. А то все переводят и деньги прикарманивают. Он ужасно жалел, что новый твой рассказ выйдет в Апрельской книжке, он бы заранее хотел перевести его и напечатать. Умоляет, чтобы ты новую пьесу прислал бы ему за 6 недель до того что ее напечатают. Это можно сделать? Скажи мне. Будь добр, ответь ему и обещай. Сделаешь? Он потешный этот немец, сидит все время в перчатках; ругает Москву, т. е. грязь, слякоть климат; он захворал.

Д. Саша был мил, сидел довольно долго, искал все чего ниб. для чтения в своем собрании.

Приходил Влад. Ив.; болтали, потом играли в 4 руки симфонии Бетговена. Маша была у Ивана.

Меня завалили просьбами о билетах в Петербург. Я запись длиннейшую да-

ла Богомолу. Мне скучно думать о Петербурге. Играть чуть ли не каждый вечер надоевшее «Дно», а днем трепаться по людям.

У нас сегодня весна, тепло, солнечно, солнышко греет.

Я ничего не знаю, что творится на белом свете. Дусик, не будет ли кто ехать в Москву? Если да, то пришли мне мамин портрет в рамке, а то у меня нет, а в Ялте он никому не нужен, и меня

там не бывает. Сделай это. — Посидишь ли в саду и как двигается Вишневый сад? Скоро ли распустится вишня? Скоро ли зацветет вишневый сад?

Обнимаю и целую нежно моего дусика дорогого. Ужасно хочу тебя видеть. Мы с тобой славно поедем за границу. Ты думаешь о поездке?

Спи покойно, не кисни, не хандри.

Твоя Оля.

39. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

13 марта [1903 г. Москва].

Родной мой, я сейчас уезжаю к Троице, в Черниговский скит; там Алексеевы. Приведу себя немного в порядок. Я в ужасном состоянии. Я ужасная свинья перед тобой. Какая я тебе жена? Раз приходится жить врозь. Я не смею называться твоей женой. Мне стыдно глядеть в глаза твоей матери. Так и можешь сказать ей. И не пишу я ей по той же причине.

Раз я вышла замуж, надо забыть личную жизнь и быть только твоей женой. Я вообще ничего не знаю, и не знаю что делать. Мне хочется все бросить и

уйти, чтобы меня никто не знал. Ты не думай, что это у меня настроение. Это всегда сосет и точит меня. Ну а теперь проскочило. Я очень легкомысленно поступила по отношению к тебе, к такому человеку как ты. Раз я на сцене, я должна была оставаться одинокой и не мучать никого.

Прости меня, дорогой мой. Мне очень скверно. Сяду в вагон и буду реветь. Рада что буду одна.

Поблаговари Альтшулера за письмо. Я ему напишу.

Будь здоров, не проклинай меня.

Оля.

40. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

14 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя родная, так нельзя! Послал я одно письмо в д. Коровина, Пименовский пер., а вчера был студент Корш и говорил, что д. Коровина на Петровке. Сегодня получаю от тебя письмо, чудесное описание новой квартиры, моей комнаты с полочкой, а адреса нет. Ну что прикажешь мне делать?

Погода в Ялте великолепная, весенняя, все цветет, я почти каждый день бываю в городе. И вероятно я очень изменился за зиму, потому что все встречные поглядывают сочувственно и говорят разные слова. И одышка у меня. И жена у меня злая, прячет свой адрес. Вчера Альтшуллер был у меня и

все поддразнивал меня, и я заподозрил, что ты его подкупила, чтобы он подольше удерживал меня в Ялте.

Умоляю, голубчик, пришли адрес! Адресоваться на театр терпеть не могу.

А что Тургеневское пойдет у вас? Вот вам бы еще Ревизора и Женитьбу, да переглядеть бы Писемского, авось и у него нашлось бы чтонибудь в роде Горькой судьбины.

Мать говеет, завтра приобщается.

Сейчас приходила М-ме Голоушева, принесла от Маши письмо. И опять нет адреса!!

Ну, дусик мой, да хранит тебя бог, целую тебя и обнимаю тысячу раз.

Твой А.

41. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

14 марта [1903 г. Троице-Сергиев монастырь].

Дорогой мой, нежный мой, сижу в монастырской гостинице, сплю, гуляю и много думаю о тебе. Я тебе вчера отчаянное письмо накатала. Ты сердись на меня? Я право, как-то растерялась. Не сердись на меня и пойми.

Здесь чудесно, тихо. Я чувствую как я устала за зиму. Целыми часами могу сидеть без движения и думать. Все спать хочется.

Вчера, только что я приехала, как Конст. Серг. должен был ехать в Москву. Умерла жена бывшего городского головы, которого убили, и К. С. назначен душеприказчиком. Жаль его. Он только что расположился отдыхать и писать *mise-en-scène* для Нахлебника. Я живу с Марией Петровной в архиерейских комнатах — очень чистых и удобных. Кормят отлично. Вчера гуляла дважды, катались и спали от 1 ч. до 11 ч. утра. Здорово? Как убитая спала. Сегодня я гуляла от 1 до 3-х почти, потом пообедали, поехали в Вифанию, там опять гуляли, осматривали номера и я решила что я с тобой непременно туда приедем на несколько дней. Весной должно быть удивительно хорошо. Ты бывал? Там огромное красивое озеро, гостиница на берегу, вид изумительный из окон.

У меня сегодня целый день адски болит голова, уже дважды принимала фенацетин. Я нездорова эти дни и волно-

валась много, вероятно от этого и голова болит. Сегодня я много беседовала с отцом Юлием, настоятелем, т. е. нет, я не знаю, кто он; одним словом состою при гостинице и уже 23 года монахом. Он много, говорит, слышал обо мне от приезжих, как я играла царицу Ирину и очень рад что увидел меня. Затащил меня к себе и все расспрашивал. Знает тебя как писателя. Говорит что я живу ненормально, что с мужем надо обедать, чай пить, а не врозь жить. Много, много говорил. Я обещала ему приехать с тобой и ты чудесно побеседуешь с ним. Ты ведь любишь монахов. Я ему сказала, что ты собираешься в монахи. Я может завтра пойду к отцу Варнаве спрашивать о себе, что я должна делать. Отец Юлий советует. Ты смеешься?

Мария Петровна кланяется тебе бесконечным поклоном. Можно написать юмористический рассказ, как актрисы отдыхают.

После поездки в Вифанию я пила чай (отец Юлий был у нас) потом легла от головной боли и спала и встала только теперь, в 11 ч. вечера. Сейчас закусим и опять на боковую. Завтра едем в Москву. Мне не хочется. Здесь очень хорошо. Ты бы здесь должен написать рассказец. Приедешь со мной? Мне так хочется пожить с тобой без людей. Целую обнимаю горячо и люблю моего необыкновенного.

Твоя собака.

42. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

[Телеграмма].
[16 марта 1903 г. Москва].

Пят дней без писем умоляю телегра-

фироват тоскую адски по тебе вернулась от Черниговской отдыхала с Лилиной целую жду.

43. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

16 марта [1903 г. Москва] вечер.

Милый мой, ты выражаешь неудовольствие по поводу того, что официально не оповестили тебе новый адрес. Но, дуся, я в скольких письмах писала что переезжаем на Петровку д. Коровина, только номера не писала, потому что сама не знала — 35. Как же так? Я ни-

чего не понимаю. Ты просто верно невнимательно прочитываешь письма.

У нас теплынь, в летнем можно ходить.

Вчера вечером вернулись с Марией Петровной от Черниговской. Мне не хотелось в Москву. Хочется сидеть одной и никого не видеть. Вчера там так чудесно было — тепло, нежно, птицы чи-

рикают, монахи бродят, часы бьют, вода журчит, ели шумят. Я долго сидела на скамеечке у врат, без движения и долго могла бы так сидеть. Разговаривала с монахами.

После обеда совершили большую прогулку с М. П. по лесу, по насту. Ходили и молчали. А вообще очень много говорили о тебе.

Когда я не играю, у меня поднимаются такие душевные муки, что я не знаю как совладать с собой. Точно в сезоне я живу одним кусочком души, а в свободное время другой кусочек вылезает с большой силой и я ужасаюсь когда смогу назад — чем я жила, и как я могла так жить? Ты меня понимаешь или нет?

Сегодня был у нас Лазаревский был Мироллюбов, придет завтра обедать и потом я его поведу на «Дно». Лазаревский много болтал, опять говорил как он влюблен в тебя. Хочет издавать свою книжку. Смешной он.

Милый мой, я так была вчера полна тобой, так близко чувствовала тебя, твою душу, твоё настроение, т. е. как будто бы ты был со мной, а не в Ялте. Милый, родной мой, когда же я наконец буду смотреть на тебя, говорить тебе, улыбаться тебе, [. . .].

Пришли почитать «Невесту». Стораю от нетерпения. Умоляю. А как Вишневый сад? Зацветает? Чтобы в 1-м акте было такое настроение как у меня в Мелихове¹ когда все цвело и когда было так удивительно хорошо на душе. [. . .].

Целую, [. . .]. Мы съездим непременно к монахам? Я тебе все покажу. Поедем? Улыбнись мне, дусик.

Твоя собака.

1. В Мелихове, недалеко от Москвы, у Чехова было небольшое имение, где он жил с 1892 г. до переселения в Ялту и где у него гостила О. Л. Книппер в начале их знакомства.

44. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

[Телеграмма].

17 марта [1903 г. Москва].

Петровка дом Коровина 35 Оля.

45. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

17 марта [1903 г. Ялта].

Радость моя, адреса я не получил и уже отчаялся получить когда нибудь, а потому пишу тебе опять на театр. Дяде Карлу большое спасибо за стол и диван, но так как на лето мы уедем, а осенью будем заводить себе обстановку, то едва ли понадобятся теперь и стол, и диван. А перетаскивать сию мебель, очень громоздкую, с места на место очень неинтересно.

Теперь, радость, собака моя добрая, просьба, за которую конечно ты не поблагодаришь меня. Дело в том, что начальница гимназии В. К. Харкеевич уезжает в Петербург и конечно будет присутствовать на спектаклях Худож. театра. Она умоляет меня, чтобы я упростила тебя — записать одну ложу бельэтажа

на «На дне» и одну ложу на «Дядю Ваню», всего две ложи. Дуся моя, запиши, если не поздно. Пожалуйста!

Почему то я не уверен, что это письмо дойдет до тебя. И вообще грустно, что моя переписка с тобой так глупо расстроилась и черт знает из-за чего, из за адреса, из за улицы, так как про дом Коровина ты уже писала. На какой улице этот дом окаанный? На Петровке?

Ты, положим, очень занята, но Маше ничего бы не стоило прислать мне адрес. Ну да все равно.

У нас тепло, туманы. Я сижу в саду и то думаю, то злюсь. Получил и от Телешова письмо насчет Шольца.

Благославляю тебя и целую.

Твой А.

46. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

17 марта [1903 г. Москва].

Ты все недоволен мной и наказываешь меня молчанием. Дусик, снимись у Дзюбы и пришли мне свою фотографию. Тебе это не очень трудно? Я хоть с новой фотографией поеду в Петербург. Я верно уже на Страстной удеру. Мама уедет из Москвы отдыхать, Маша пусть говеет на свободе, она просилась, а я уж буду жить студентом. Где остановлюсь — не знаю. К Мухину не хочется. Очень уж тяжело вспоминать пережитую там болезнь. Хочется поближе к театру. Говорят Европейская гост. близко, но будто дорого там. Ничего еще не знаю. Как мне не хочется ехать!

Все теперь съезжаются в Ялту и тебе будет веселее. Я ненавижу всех людей едущих в Ялту, т. е. не в Ялту, а к тебе. Завтра едет Мирон, в Субботу Маша. Бунин собирается. Екатерина Павла поехала. Играю я из последнего.

Сегодня был в театре вел. князь Николай Михайл., уехал после 3-его акта на Кавказ. Был в мужском фойе, но там его очень холодно встретили, никто даже, говорят, внимания не обратил. Мирон смотрел, Лазаревский. Расскажут тебе свои впечатления.

У нас очень тепло, ходят почти в летнем. Солнце греет славно. Кошки по вечерам задают концерты на крышах. Все как следует.

47. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

18 марта [1903 г. Ялта].

Дуська моя замечательная, наконец ты прислала свой адрес и все опять вошло в свою колею. Спасибо, голубчик. Слезное письмо твое, в котором ты себя ругаешь перед отъездом к Черниговской, получил я утром, прочел — нет адреса! Готов уже был подать прошение о разводе, как в полдень получил телеграмму.

Стало быть, на Фоминой я приеду в Москву, приеду до твоего возвращения из Петербурга, встречу тебя, встречу не на вокзале, а дома, побывавши в бане, пописавши пьесу. А пьеса, кстати

У Андреевой ангина и сегодня Наташу играла Литовцева. Ничего себе, крепко.

Я сегодня ходила, покупала себе шляпу, платье для Петербурга. Мирон обещал у нас и мы справлялись с обедом сами с Ксенией, т. к. Маша отравилась сладким пирожком от Савостьянова. Призывали доктора, он говорит что отравление, прописал ей лекарство. Сейчас ей лучше. Был Петр Кожевников, кот. очень просил тебя принять его в Ялте, где он будет на Святой. У него есть какое-то дело. Примешь? Шольцу ответишь? Адрес его: Berlin, Sieboldstrasse, 6^{II}.

Был кн. Шаховской, все имения покупает. Да, он предлагает поставить тебе свой письменный стол, кресло и диван. Ты согласен? Будь милый, ответь. Мебель может стоять до осени. А осенью я могу дать тебе свой кабинет, а себе буду понемногу приобретать, а то у меня мужская обстановка. Правда? Буду заказывать столяру по рисункам, будет недорого.

Целую тебя, дорогой мой, и жду письма отчаянно. Покойной ночи, пойду спать, а то уже поздно. Знаешь, я последнюю ночь видела тебя во сне [...]. Как хорошо! Когда это будет на яву! Поцелуй мамаше ручку за меня. Клянись всем.

Твоя Оля.

сказать, мне не совсем удастся. Одно главное действующее лицо еще недостаточно продумано и мешает; но к Пасхе, думаю, это лицо будет уже ясно и я буду свободен от затруднений¹.

Если Маша еще не уехала, то скажи ей, чтобы она привезла немного колбасы вареной. Слышишь? Все остальное добудем у Кюба. Фотографию, о которой ты писала, пришлю тебе вероятно в Петербург с В. К. Харкеевич. Если есть логи не дороже 30, ну, 40 рублей, тогда закажи для В. К. логи («На дне» и «Дядя Ваня»), если же нет таких дешевых и вообще нет лож, то, дуся моя, не сердись на своего глупого мужа, запиши ей

два кресла по 3 рубля на эти две пьесы. Я тебя обожаю, роднуля, люблю.

Завтра опять буду писать. Не говори глупостей, ты нисколько не виновата, что не живешь со мной зимой. Напротив, мы с тобой очень порядочные супруги, если не мешаем друг другу заниматься делом. Ведь ты любишь театр?

48. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

19 марта [1903 г. Ялта].

Актрисуля моя здравствуй! Ты извини меня, но наша продолжительная разлука имела свои последствия: я состою в переписке с M-elle Пушкиревой. Чем кончится, к чему приведет эта переписка, не знаю, а пока поздравь меня: она обещает прислать мне свою пьесу. Помнится, в восьмидесятых годах, я уже читал эту пьесу. Как бы ни было, я написал ей, чтобы она мне пьесы своей не присылала, так как де в пьесах я ничего не понимаю, а послала бы к В. И. Немир.-Данченко. Предупреди В. И., скажи ему об этой пьесе, пусть авторитетно скажет ей, чтобы она, П-ва, больше не писала, или поставила пьесу свою где нибудь в провинции, если пьеса хотя немножко не безнадежна.

Я здоров, в последние дни что то стал покашливать, но, должно быть, это неважно, случайно. Чувствую себя бодро, сижу в саду, или немножко работаю в кабинете. Думаю о тебе, о нашей поездке в Швейцарию, в Италию. Будем заграницей много есть и много пить пива. Я ведь всю зиму ничего не пил.

17-го марта был на именинах у Але-

Если бы не любила, тогда бы другое дело. Ну, Христос с тобой. Скоро, скоро увидимся, я тебя обниму и поцелую 45 раз. Будь здорова, деточка.

Твой А.

1. О каком персонаже «Вишневого сада» здесь идет речь, можно лишь строить предположения.

ксея Максимовича. К нему приехала жена. Она и он говорят о тебе с восхищением; говорят, что за последний год ты сильно шагнула вперед, играешь чудесно. Я слушал, радовался, что у меня такая жена, и на ус себе мотал.

Я послал одно письмо в Пименовский пер. Получила ли? Ах, дуся, какое это было огорчение с адресом.

Так не забудь же сказать Немировичу насчет Пушкиревой. В письме к ней я так расхвалил его, что если бы он прочел, то пришел бы в восторг.

Свой петербургский адрес пришли мне заранее. Из Петербурга будешь присылать мне длинные телеграммы, в мой счет, на что ассигную 25 руб.

Знаешь, дусик, «Месяц в деревне» мне весьма не понравился. Пьеса устаре-ла; если у вас она не понравится, то скажут, что виновата не пьеса, а вы.

За зиму я отвык от людей, от жизни, уже ничего не умею, решительно ничего [. . . .].

Обнимаю тебя, целую, перекувыркиваю, встряхиваю. Пиши мне каждый день, не терзай меня.

Твой А—

49. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

19 марта [1903 г. Москва] утро.

Что же, трагедия с адресом кончилась наконец, милый мой? Ты успокоился? Повторяю что я писала тебе несколько раз что д. Коровина на Петровке.

Опять ты спрашиваешь что Тургеневское пойдет у нас. Я тебе писала, что, и кто играет главные роли. Ты просто, дусик, забываешь. Пойдет Нахлебник. Где тонко, там и рвется, и Провинциалка.

Читал, как Кугель нас отдал? Мы друг друга лицевыми зовем теперь, или сигнализацией.

Как чувствует себя Горький? Видишь ли ты его, и отчего не пишешь?

Вчера был у нас Конст. Серг. Он в духе, интересный, славный, бодрый. Была Надежда Ивановна, был Иван Павл., кн. Шаховской, Лазаревский. Надежда Ив. жила у Саши, пока его жене делали операцию у Штрауха в лечебнице.

Антонка, я так мечтаю о том време-

ни когда мы будем вместе, что мне все кажется теперь маловажным и не знаю о чем писать.

Собираю тряпки для Петербурга, деньги у меня летят, черти, а ничего особенного не делаю. А мне все равно, по правде сказать.

Сегодня шел дождь утром.

На ночь я всегда читаю один твой рассказик. Так уж привыкла.

Ну милый мой писать не о чем. Все благополучно.

Когда ты приедешь, я тебя ровно трое суток буду держать в объятиях, не дам ни есть ни пить. Согласен? Буду смотреть на своего красивого мужа. Я тебе давно не говорила что ты красивый? Целую и обнимаю крепко, дорогого моего. Вспоминай обо мне.

Твоя дворянка.

50. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

21 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя, твое последнее письмо просто возмутительно. Ты пишешь, что «в скольких письмах писала, что переезжаем на Петровку, д. Коровина» между тем все твои письма целы у меня и только в одном ты вскользь сообщаем, что перебираетесь в д. Коровина — и мне оставалось думать, что вы перебрались в Пименовский пер. Я так и знал, что я же окажусь виноватым! И все твои письма целы у меня, я покажу их тебе. Ну, да бог с тобой. С этим адресом была в течение двух недель такая

обида, что до сих пор успокоиться не могу.

У нас нет дождя. «Вишневый сад» будет, стараюсь сделать, чтобы было возможно меньше действующих лиц: этак интимнее.

Ну, больше писать не могу, прости.

Твой А.

Ты пишешь, что я невнимательно читаю твои письма. Из чего это видно? Я привезу все твои письма и ты сама увидишь, что ни одно письмо не пропало и что ни в одном нет адреса.

51. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

21 марта [1903 г. Москва].

Сегодня вечером была сильная гроза, дорогой мой! Духота была днем адская. Сейчас льет дождь сильнейший. Точно в Мае. Даже жутко как-то.

В Петербурге у нас все распродано, т. ч. я ничего не могу сделать для Варвары Конст. Напишу Богомолу, может что случайно перепадет.

Ты пишешь что сидя в саду или думаешь или злишься? Ты злишься?.. На кого, на что? А со мной ты не будешь злиться? Мы опять начнем жить сначала. Да, дусик?

Сегодня обедали у нас твоя любимица Мунт и Муратова. Мунт рассказывала о Херсоне, о том что ее любимая роль Нины Заречной, кот. она играет с упоением. Муратова острила понемножку. Приходил Бунин. Я все брожу утомленная. Третьего дня, представь, перед 4-м актом Столпов — заснула и слышу сквозь сон третий звонок и не могу встать. Это я-то! Я зимой ни за

что на кушетку не сяду во время игры, а тут вдруг — заснула. Сегодня в 4-м акте, во время речи Берника еле стояла, стояла и дремала.

Кабы мне в Петербурге продержаться молодцом.

Завтра уезжает Маша и я остаюсь одна. Я ревную что она будет с тобой. Ты сердись на меня? Посылаю тебе куличек, пасочку и яички и цыпленочка. Хотелось ничего не посылать; я право не знаю, что тебе может доставить удовольствие кроме меня, большой куклы. Если бы я сама могла приехать! Ты так равнодушен ко всему. Т.-е. я бы с радостью прислала тебе предметы художеств., интересную картину, напр., но на это нужны деньги; дребедень ты не любишь, я знаю.

Иночка больше не столуется у нас. Буду обедать одна с твоим другом Вишневым. Ты писал Влад. Ивановичу о действ. лицах в Вишневом саду. А мне ни пол-слова. Я вообще не могу быть в такой продолжительной разлуке с то-

бой. Я теряюсь. Я не такой сильный, разумный человек как ты. Мне уже трудно писать тебе, я не чувствую что тебя интересует, я не знаю о чем ты думаешь, какой ты стал. Вообще это ужасно. Я не знаю за что схватиться, на что опереться. Молодость проходит, а мне все еще жить хочется. А лучше было бы если бы я смирилась и прекратила бы личную жизнь. Душа у меня сохнет, никто меня не держит в руках, не

вразумляет меня, а мне этого надо. Мне так хочется пофилософствовать с тобой! [. . .].

Ну спи спокойно. Теперь тебе будет весело. Маша приехала, ты и не почувствуешь мое отсутствие. Будете веселиться на Святой. Целую тебя и обнимаю крепко. Такой разлуки я больше не в состоянии переносить. Лучше брось меня. Пиши мне больше о себе.

Твоя Оля.

52. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

22 марта [1903 г. Ялта].

Дуся моя славная, вот что ты должна сделать перед отъездом в Питер: посмотри какое у меня есть белье в Москве, и напиши мне подробно. Сколько рубаш, сколько подокольников и проч. Из Петербурга будешь телеграфировать. Между прочим ты протелеграфируешь, в какой день вернешься в Москву; если ты вернешься, скажем, во вторник, то я в Москве буду уже в понедельник. На вокзал не поеду тебя встречать, а буду поджидать дома, с распростертыми объятиями.

Милая дуся, ну для чего мог бы понадобиться мне до осени стол Шаховского. Ведь до осени мы будем путешествовать, и неужели у тебя нет страха к чужой мебели, с ее запертыми ящиками, с разговорами потом, что мебель де ис-

порчена у Чеховых и проч. и проч. Не нужно, не нужно! Мы купим и письменный стол, и диван, все свое заведем. Понадобится корова или лошадь — купим и их.

Ты пишешь, что в Ялту едет много народу, что мне будет не скучно. Мне нужна жена, а не гости, дуся моя, и никого я не хочу видеть.

Начальнице вручил фотографию твоей мамы, а моей тещи. Получишь на страстной. Родная моя, пиши мне побольше! Умоляю тебя на коленях! Прошу убедительно! Не ленись, не обращай внимания на головную боль, а садись и пиши, пиши, о чем хочешь, каждая твоя строчечка дорога мне.

Ну, целую тебя, немочка моя Книппша, обнимаю и еще раз целую.

Твой А.

53. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

22 марта [1903 г. Москва] вечер.

Вот и Маша уехала на юг. Я теперь одна во всей квартире. С какой грустью я смотрела на уходящий поезд! Сегодня после вчерашней грозы шел снег; сылать, сырость.

Ты не очень сердился что не привезли Шнапа? Мне ужасно было бы грустно без него. Если ты хочешь я попрошу Ивана Павл. захватить его в Ялту. А ты мне ответь. Шнап ужасно мил, не лает, игрив, вообще смешной.

Сегодня с вокзала я по дороге заехала к Шлиппе, где бываю раза два в год по старой дружбе. Ужасно мне всегда рады там. Застала лазарет: у матери

рожа, у дочери ангина. И то и другое заразно. Правда? Сидела, смотрела как люди наполняют свою жизнь никому ненужными хозяйств. мелочами. Жалко смотреть на них. Губернатор тульский был там. Подсмеиваются над ним. Разговоры о приезде государя, о парадах, о выходах. Я хлопала ушами. К обеду приехала домой. Нахлебник не пришел и я обедала одна, потом легла и читала повесть Куприна «Трус» в Журнале для всех. Попила чайку и пошла играть На дне. Приходила за кулисы помпезная Olga Solovieff, как значится на ее визитной карточке. Говорила несвязные слова, приглашала меня с Вишневу, ужинать, но я отказалась. Лепетала что-то про

твои карточки, но я не поняла. Хорошо что недолго сидела. Завтра обедают у меня Раевская и Качаловы. В театре все обиженные. Раевская на то что ей не дали роль *Вен-анне* в «Где тонко там и рвется», Савицкая на то что ей дали ключницу в Нахлебнике, Адурская на то, что отдали дублировать роль Насти другой в ее отсутствие, которая и будет играть. Все страдают бедные и я понимаю их. Во вторник утром иду смотреть На дне. Мне даже смешно.

Ты хочешь приехать раньше меня в Москву? Почему? Мне бы хотелось встретить тебя и водворить тебя. При-

едет грязный мой муж. Срам, целую зиму не мылся, у тебя верно кора на теле. Как это ты можешь терпеть?! А я тебя буду заставлять каждый день мыть шею и уши. А к Черниговской поедем? Непременно?

Завтра я встану поздно.

Будь здоров, дорогой мой. Высиживай и выхаживай действующее лицо в Вишневом саду.

Скажи Варв. Конст. что продажа у нас закрыта. Может быть чтонибудь можно будет устроить.

Целую тебя [. . .].

Твоя Оля.

54. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

23 марта [1903 г. Ялта].

Милая моя бабуля, ты сердилась на меня из-за адреса, все уверяешь, что писала, да будто еще несколько раз. погоди, я привезу тебе твой письма, ты сама увидишь, а пока замолчим, не будем уже говорить об адресе, я успокоился. Затем, ты пишешь, что я опять спрашиваю насчет Тургеневских пьес и что ты уже писала мне и что я забываю содержание твоих писем. Ничуть не забываю, дуся, я перечитываю их по несколько раз, а беда в том, что между моим письмом и твоим ответом проходит всякий раз не менее десяти дней. Тургеневские пьесы я прочел почти все. «Месяц в деревне», я уже писал тебе, мне не понравился, но «Нахлебник», который пойдет у вас, ничего себе, сделано не дурно и, если Артем не будет тянуть и не покажется однообразным, то пьеса сойдет не дурно. «Провинциалку»

придется посократить. Правда? Роли хороши.

Всю зиму не было у меня геморроя, а сегодня я настоящий титулярный советник. Погода дивная. Все в цвету, тепло, тихо, но дождей нет, побаиваюсь за растения. Ты пишешь, что ровно трое суток будешь держать меня в объятиях. А как же обедать, или чай пить?

От Немировича получил письмо; спасибо ему большое. Не пишу ему, потому что недавно послал письмо.

Ну, будь здорова, дворняжка. Про Горького я уже писал тебе: он был у меня и я у него был. Здоровье его не дурно. Рассказ «Невеста» прислать не могу, ибо у меня нет; скоро прочтешь в «Ж. для всех». Такие рассказы я уже писал, писал много раз, так что нового ничего не вычитаешь [. . .]. Можно, дусик? Пиши, а то назову мерзавкой.

Твой А.

55. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

23 марта [1903 г. Москва] Вечер.

Поздравляю тебя, дусик, с M-elle Пушкиревой! У нее глаза как маслины, поэтические кудри и одинокий зуб, кот. ютится на мягкой губе, алой и вкусной. У тебя хороший вкус. Она работает бумажные цветы, а пьесу — она верно забыла когда писала. Ну, это ничего [. . .].

Письмо, посланное в Пименовск. пер. не дошло до меня. М-те Коновицер переправила адрес и опустила в ящик. Надо справиться на почте. А письмо милое? Стоит справляться?

Я сегодня встала в 12 час. Проснулась с головной болью, приняла фенацетин и осталась лежать. Сидела у меня Эля с своей подружкой. Я ее дразнила, что их брак *style moderne*. Она улыба-

лась, но говорила что это хорошо, ей нравится.

Днем была у меня Вера Васильевна Котляревская из Петербурга, очень изящная дамочка, интересная, умная. Ее муж написал книгу о Гоголе. Проматривал в Мире божьем? Потом я ходила к маме, притащила ее и Николашу к себе обедать вместе с ростбифом. Пришли Качаловы и Раевская, кот. флиртowała с Николашей. Ели по хорошему и вино попивали. Спасибо, дуся за Ай-Ян, кот. привезла великолепная Olga Solovieff. От квартиры все в упоении. Качалов мягко острил. Вечером играли Столпы, и я опять дремала на сцене во время речи Берника. Завтра я собираюсь обедать у Алексеевых а вечером брать ванну. В Субботу Лужский хочет устроить обед и вечеринку для труппы. Сегодня я записала билеты на Дуэ, на последние спектакли, для тебя тоже записала. Тебе захочется пойти? Это будет в конце Апреля и в начале Мая.

Где я буду жить в Петербурге — еще не знаю. К Мухину не хочется из за воспоминаний. — В Петербурге кто-то распространил слухи что при нашем театре основывается библиотека из произведений литерат. дам. Как это тебе понравится? И твоя подруга Чюмина прислала все свои сочинения. Ты хочешь? Котляревская привезла эти книги и спрашивает куда их девать.

Хорошо ли Маша доехала? Не качало ее? А рассеянный Саша не остался где либо по дороге?

Мне ужасно хочется потрогать твое лицо, волосы, погладить тебя. Золотой ты мой. Как мы славно с тобой поведем. Я так давно не была за границей.

Нежно, нежно целую тебя [. . .]. Будь здоров, весел, не хандри. Пиши Вишневы сад.

Целую и обнимаю.

Твоя собака.

56. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

24 марта [1903 г. Ялта].

Родная моя, не забудь увидеть в Петербурге Модеста Чайковского и попросить его от моего имени, чтобы он возвратил мне письма Петра Чайковского, которые взял у меня для своей книги (Жизнь П. И. Ч.). Если же Модеста Чайковского нет в Петербурге, то узнай у Карабчевского, или у кого либо из литераторов, где он и нельзя ли добыть его адрес, если он за границей. Поняла? Если поняла, то, значит, ты умная у меня.

«Где тонко, там и рвется» написано в те времена, когда на лучших писателей было еще сильно заметно влияние Байрона и Лермонтова с его Печориным; Горский ведь тот же Печорин! Жидкова-

тый и пошловатый, но все же Печорин. А пьеса может пройти неинтересно; немножко длинна и интересна только как памятник былых времен. Хотя я и ошибаюсь, что весьма возможно. Ведь как пессимистически отнесся летом я к «На дне», а какой успех! Не судья я.

Скоро, скоро мы увидимся, старушка моя милая, бесценная. Я буду тебя обнимать и ласкать, буду с тобой ходить по Петровке.

Кричу тебе ура и остаюсь на веки твой заброшенный, полинявший и тусклый муж.

А.

В «Мире Искусства» тебя хвалят Книппуша. Я послал тебе сегодня номер, в котором хвалят. Горжусь, дуся моя, горжусь!

III

57. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

[19 сентября 1903 г. Ялта].

Пятница, день твоего отъезда.

Милый дуся мой, лошадиная моя со-

бачка, как ты доехала? Как провела ты время в Севастополе с рыжим усачем? Все ли благополучно?

А я вернулся с парохода не здоровый; есть не хочется, нудно, глупо в животе, ходить не особенно приятно, голова разболелась. Не знаю, отчего это. Но самое худшее, конечно, это твой отъезд; к твоему отсутствию я не скоро привыкну.

Если ты еще не успела послать в Ялту посылку, то прибавь гамашу — они скоро понадобятся.

Читал сегодня в газетах, что «Вишневый сад» пойдет в декабре. Если это справедливо, то очень хорошо, согласен, пусть только пьеса пойдет в первых числах декабря, а не в последних. Завтра уже буду работать.

Сегодня у нас обедала Нина Корш с девочкой. А мне, знаешь, немножко беспокоинно, что ты взяла у меня не 100, а 75 р. Я, стало быть, должен тебе, дуся, 25 р.

Новое Время все продолжает пощипывать Горького¹; боюсь, как бы скандала не вышло.

Пиши мне, родная, голубчик мой, ты теперь убедилась, знаешь, как я тебя люблю.

Завтра еще буду писать тебе, а теперь отдыхай, беседуй, распаковывай чемо-

даны. Поклонись всем знакомым, никого не пропускай. Напиши, как идет «Юлий Цезарь», не слышно ли чего нибудь насчет «Юлия Цезаря» и проч. и проч. и проч. Как Вишневский?

Обнимаю, целую твои лапки. Господь с тобой.

Твой А.

Как будто я стал писать еще мельче. Правда?

Сегодня буду раскладывать пасьянс solo.

1. Речь идет о фельетоне В. Буренина «Отповедь г. Максиму Горькому». Это ответ на статью Горького в заграничном органе «Освобождение» о кишиневском еврейском погроме, в которой, перечисляя вдохновителей погрома — Суворина, Буренина, В. Величко, С. Шаралова, В. Комарова, Крушевана и др., Горький говорит, что к их прежним «отвратительным кличкам» ныне следует добавить еще и заслуженное ими «звание подстрекателей к убийству и грабежу». В обычном своем тоне грубой брани Буренин возражает Горькому, что истинными виновниками погрома являются «прежде всего любимейшие чада его лубочного «творчества» ухарские Васьки Пеплы, Челкаши, Коноваловы и им подобные воры, грабители и душегубцы» и т. д.

58. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

20 [сентября 1903 г. близ Лозовой] утро.

Вот и ночь прошла, дорогой мой. Ты теперь газеты читаешь. Еду в отд. купе и это смущает меня — лишнее. Ш. привел меня в отчаяние своей угодливостью. Ночью было холодно, т. ч. велела постель устроить, чтобы было теп-

лое одеяло. Солнечно. На воздухе еще не была, ничего не пила. Во сне видела что у Шнапа шея прямая. Трясет. В Лозовой опущу письмо. Странно мне быть одной. Странно покажется все в Москве. Кланяйся мамаше, Маше. Целую тебя крепко.

Оля.

59. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

20 [сентября 1903 г. близ Харькова] 3 часа.

Еду, еду, еду... Тепло удивительно, теплее чем в Ялте. Окно открыто, пыль адская. Мелькают совсем золотые леса — красиво. Накупила газет и читаю. В Лозовой выпила кофе и с'ела кусок ветчины.

Как умывался? Кому кукиши показывал?¹ От Севастополя у меня кошмар с рыжеусым чудовищем.

Пиши как себя чувствуешь. Побольше

о себе. Увидишь Костю поцелуй его от меня. Будь здоров, пиши и пьесу и письма жене. Обнимаю, всем поклон.

Оля.

1. Летом 1903 г., находясь в Ялте, О. Л. Книппер по утрам отправлялась с М. П. Чеховой купаться, когда Антон Павлович еще спал. Возвращаясь, она часто заставляла его еще в постели; при этом А. П. притворялся иногда спящим, держа руки поверх одеяла с кукишами навстречу тому, кто войдет.

60. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

[20 сентября 1903 г. Ялта].

Как это жестоко, душик мой! Вчера весь вечер, потом ночью, потом сегодня весь день ждал твоей севастопольской телеграммы, и только сегодня вечером (в субботу) получил от Шапошникова: «Супруга ваша выехала благополучно»... и т. д. А я думал, что пароход затонул, что билета у тебя нет и проч. и проч. Не хорошо, супруга милая. В другой раз не обещаю.

Мне сегодня легче, но все же я не совсем здоров. Слабость, во рту скверно, не хочется есть. Сегодня я сам умывался. Вода была не холодная. Твое отсутствие очень и очень заметно. Если бы я не был зол на тебя за телеграмму, то наговорил бы тебе много хорошего, я сказал бы тебе, как я люблю мою лошадку. Пиши мне подробности, относящиеся к театру. Я так далек от всего, что начинаю падать духом. Мне

кажется, что я, как литератор, уже отжил, и каждая фраза, какую я пишу, представляется мне никуда негодной и ни для чего не нужной¹. Это к слову.

Михайловского еще не видел. Панова тоже не видел. Если увижусь с ними, то конечно сообщу тебе. Пилюли забываю принимать, хотя и ставлю их перед самым носом; но все же во время вспоминания и исправляю ошибку.

Целую тебя, женушка моя, голубчик. Если мои письма скверные, пессимистические, то не огорчайся, родная, все это пустяки.

Твой А.

1. С годами Чехов становился все строже и взыскательнее к своей работе, впадая в прямую мнительность. В частности, ему казалось, что он повторяет самого себя, чем очень мучился, потому что всегда считал рутину злейшим врагом искусства.

61. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

20 сентября [1903 г. близ Белгорода]
6 час.

Темнеет. Переехали реченку, в которой красиво отражается луна. Тепло. Проехали Белгород. Живописные хатки в осенней зелени. Мирно. Философствую о жизни. Разрешаю задачи. Ем антонов-

ские яблоки, конфетки (дар Шапошникова). Читала Новое время, Русское слово, Новости. Опять бессмысленное убийство мальчика 5-ти лет. В окно несутся запахи осенней зелени. Обнимаю, целую.

Оля.

62. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

21 сент[ября] 1903 г. близ Серпухова]
8 ч. утра.

Доброе утро! Проехали Молоди. Свежий хороший осенний день. Деревья еще одетые, золотые, красные, а ивы зеленые. Дороги и тропинки мокрые — блестят. Солнечно, хотя облачно. Хоро-

шо в природе. Окно открыто. Еду как китайский император, молчаливо и величаво. А я ужасно люблю деревенские лужи, люблюсь на них. К Москве под'езжаю равнодушно. Вспоминаю Лопасню, Мелихово. Будь здоров, пиши умоляю. Обнимаю, целую.

Оля.

63. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

21 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Женуля моя великолепная, сегодня чувствую себя полегче, очевидно прихожу в норму; уже не сердито поглядываю на свою рукопись, уже пишу и, когда кончу, тотчас же сообщу тебе по те-

леграфу. Последний акт будет веселый, да и вся пьеса веселая, легкомысленная¹; Санину не понравится, он скажет, что я стал неглубоким.

Встаю в 8 часов утра, умываюсь. Сегодня была холодная вода, хорошо умылся. На дворе тепло, почти жарко.

Дома все благополучно, Шарик еще не научился лаять, а Тузик — разучился. Без тебя мне спать страшновато.

К. Л. не приходил после твоего отъезда ни разу.

Сегодня пришло твое письмо, написанное карандашом, я читал и сочувствовал тебе, моя радость. Пить шампанское! Ездить на Братское кладбище! О, дуся, это тебя так прельстили длинные рыжие усы, иначе бы ты не поехала.

Пьесу пришлю на твое имя, а ты уж передаешь начальству. Только когда прочтешь и найдешь ее скверной, не падай духом.

Целую тебя, лошадка, хлопаю, трогаю за нос. Будь весела, не хандри, не умничай и старайся тратить поменьше денег.

Господь с тобой, будь, повторяю, весела.

Твой А.

1. Биографы Чехова неоднократно обращали внимание на тот замечательный факт, что в последние годы своей жизни, одолеваемый неуклонно развивавшейся смертельной болезнью, писатель упорно стремился оживить струю юмора в своем творчестве, написав несколько водевилей и введя в свою последнюю пьесу значительный элемент смешного.

64. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

22 сент[ября] 1903 г. [Москва], утро.

Вот я и в Москве, дорогой мой, милый мой! И уже беспокойная, тревожная. Как я рада была получить вчера вечером твои милые, ласковые строчечки! Так хорошо это! Дусик ты мой! Как ты живешь без меня?

Ну, подробно опишу мой первый день в Москве. Приехала совсем хорошо, не утомленная, выспавшаяся, но Севастоп. кошмар все меня преследовал. Вехала в Москву все таки с солнцем. Осень видно стояла славная, все деревья одеты. Дома на лестнице встретил меня Шнап, я услыша его лай, даже не хотела посмотреть на него, боялась что уж очень изуродован. Но представь — еслибы я не знала о его несчастье, то пожалуй и не заметила бы, в особенности когда он вертится и кружится. Когда спокоен, то только голова немного на бок, отчего получается очень умильное выражение, так что смеяться хочется. Он очень крупный, красивый, шерсть блестит и вообще прелестен. Летаёт стрелой, скользит по натертому паркету и когда налетает на меня то прямо с ног сшибает. Я его все таки свезу к ветеринару, может можно выправить шею. Оказывается через его шею проехала целая карета на шинах но очень быстро.

Квартира вся блестит вся вылизана, вычищена, благодаря Аннушке, так что приятно было войти. Все цветочки вымыты. Я выпила кофе, разобрала вино-

град, вымылась, облилась холодной водой, оделась и пошла в театр. Вошла в зал как раз в то время, как Цезаря пронзают кинжалами и оторопела — ничего не понимаю. Всюду белые тоги, в которых не скоро узнаешь всех. В Вишневском мне что-то нравится, а может просто темперамент его настоящий подкупает, еще не разобралась. Брута не понимаю пока, но что то мне не нравится в самом голосе, в речи. Ну, потом все налетели на меня, пошли поцелуи, рукопожатия, расспросы без конца о тебе и просьба послать тебе от всех нижайший поклон и уверение в любви и преданности. Конечно о пьесе толков много. Влад. Иванов. обстоятельно расспрашивал, хотя мало говорили с ним. К. С. уже кажется нервит. Опять при мне уже вышел скандал с Симовым из-за вечной задержки декорации. Вл. Ив. первый раз за все время вспылал адски и решил что у меня дурной глаз относительно него, т. к. совпало с моим приездом. Все как то осталось такими же как были, а кто и поправился, так уже успел спустить и принять зимний вид.

У меня от народа, от расспросов, с непривычки голова разболелась. Артем проникновенно целовал мне руку, спрашивал о тебе. Лужский в тоге, разыграл длинную сцену обморока при виде меня. Я конечно, подыграла сценку. Настроенное у всех кажется ничего себе. Буду похаживать теперь в театр. Из театра поехала к маме. Радость была шумная

и большая, но выговорила мне что я не дала знать о своем приезде. Дядя Саша тут был, т. Леля, Николаша. Опять рассказы, расспросы. Сообщили новость, что Володя едет на неделю в Дрезден, где ему какая-то знаменитость будет пробовать голос и дома и в оперном театре, чтобы окончательно решить его судьбу, а то мать мучается и не берет на себя ответственность. А так ему тянуть не годится¹. Передай эту новость Косте. Дядя Саша мил, передал мне приготовленное для меня поздравление, но не отправленное. Я очень хохотала. Вечером мама уехала слушать Шаляпина в Алеко, а я осталась у них. Пришел Саша Средин с супругой. Она говорят изменилась к лучшему. Саша работал все лето, был у Коровина в деревне, по Яросл, дор. и Шаляпин там был, рассказывает курьезы, как Шаляпин ночью в белом и в красной шапке является в мастерскую и катается на велосипеде. Саша хочет меня писать. Не знаю, не знаю... За ужином много и шумно хохотали, по Книпперски.

65. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

23 сент[ября] 1903 г. Ялта.

Здравствуй, дусик, моя половинка! Сегодня пришло от тебя два открытых письма, я очень рад и доволен. Рассчитывал получить из Москвы телеграмму, ну, да бог с тобой, я вхожу в твоё положение и понимаю. Что нового придумали в театре? Не утомились? Не разочаровались?

Четвертый акт в моей пьесе сравнительно с другими актами будет скуден по содержанию, но эффектен. Конец твоей роли мне кажется не дурным. Вообще не падай духом, все обстоит благополучно.

После твоего отъезда брат твой не был у меня ни разу. Я несколько не обижаюсь, а пишу тебе об этом только на всякий случай. Посылка у нас лежит и ждет его прибытия. Его адрес: Ялта, Деревкой, д. Мустафы Бай. Вчера был у меня Панов, разодетый, довольный жизнью, счастливый; сидел долго. Говорил, что Михайловский по всей вероятности поехал с Костей на Сюрень. Михайловский будет у меня в четверг.

А как мне грустно было придти в пустую квартиру! И сколько еще таких грустных возвращений предстоит!

Спала хорошо. Сейчас утром убиралась, играла с Шнапом. Посылаю письма, телеграмму, за которую сделала выговор что не переслала, хотя бесполезно. Сейчас пойду покупать порошок, мыла и отсылать буду завтра в Ялту.

Скажи Маше что Дроздова не была. Эберле наняла квартиру рядом с нами в д. Савостьянова. В 3 ч. пойду есть пельмени к маме. Ну кажется приблизительно все отрапортовала.

«Мир божий» пришел сюда.

Будь здоров дорогой мой, милый. Пиши мне о здоровье. Умоляю, заклиную. Целую и обнимаю тебя много раз и каждый вечер мысленно крещу тебя. Кланяйся матери, Маше, Шарик, Матрешке. Целую.

Твоя Оля.

1. Вопрос шел о переходе В. А. Книппера на карьеру оперного певца.

У Татариновой умер сын около Кенеиза, когда везли его домой из заграницы. Сегодня похороны, Маша отправилась в церковь.

Умываюсь я хорошо. Велю подавать кувшин обыкновенной воды из водопровода и не большой кувшин со льда. Потом развожу и у меня получается именно то, что нужно. Одеваюсь медленно, или потому что отвык одеваться, или потому что мешает одышка. Настя подает каждый день новый костюм. Зубы чищу, пульверизацией занимаюсь. Что еще? Жене пишу почти ежедневно.

На сих днях к тебе придет П. И. Куркин. Он расскажет тебе о том, что ему нужно, а ты подумай и дай совет. Дело весьма важное.

Шарик растет, но еще не лает. Ты, уезжая, забыла взять свою кошку. Прикажешь прислать?

Кланяйся Вишневскому и скажи ему, чтобы он набирался мягкости и изящества для роли в моей пьесе¹.

Ну, цуцук, благословляю тебя. Не

сердись, не хмурься, не брани своего мужа. Скоро увидимся. Как только в Москве начнутся заморозки, так и приеду.
Твой А.

1. Чехов предназначал А. Л. Вишневскому роль Гаева, доставшуюся К. С. Станиславскому. Антон Павлович был огорчен, что в «Вишневом саде» Вишневский остался без роли.

66. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

23 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Дорогой мой здравствуй. Как спишь, как чувствуешь себя? Я все о тебе думаю и мысленно одеваю тебя, целую в плечико, командую за умыванием. А тебя нет. Я одна, и ты один.

Целую тебя нежно за твое нежное письмо. Дорогой мой! Я плакала когда читала. — Тебе не надо было ехать провожать меня, дусик. Надо укрепить сначала а потом уж раз'езжать. Ведь это томительно — проводы на пристани. Тянется без конца, нудно, противно.

Тебе лучше теперь?

А я сегодня проснулась уже с чисто московским, сезонным ощущением: в голове неладно, что-то везде побаливает, какие-то ниточки, потом привыкну к этому. Вчера утром возилась по дому. Потом пошла в театр — там опять никакой репетиции, а возня с декорациями и повышенные нервы у режиссеров. Отдала каштаны и виноград Алексеевым, подушку Немировичу — очень все довольны. Потолкалась, поболтала и пошла к маме. Там слушала Володю, т. е. его пение. Он на днях уезжает. Пришла Эля. Я посидела у Зины, у Анны Егоровны в кухне, про Ялту рассказывала, про тебя. Потом пошла с Элей по магазинам. Купила умывальник простой цин-

ковый, белый очень удобный за 14 р. — дешево? У Малера на Петровке. Была у Гетлинга и барышня опять поднесла мне чудную ветку туберозы. Пришла домой и сюрприз: прислано письмо от Лужского и роль Калфурний — жены Цезаря. Якобы репетирует теперь второй состав и просят меня быть готовой играть в сезоне сию роль. А играет ее Бутова и говорят неважно. Ничего не понимаю. Поговорю сегодня. Дома сидела, читала, потом мыла голову, пила чай, ела ветчину и сыр а часов в 10 пришла Раевская и сидела до 12½. Болтала, хохотала нервически и очень хотела кажется узнать есть ли ей роль в твоей пьесе, но я помалкивала. Она бедная не очень даровита но не чувствует этого и терзается и мучается что пропадает даром, без работы. Ей бы лучше уйти от нас, право. Жалко ведь, когда слушаешь ее, а сказать нельзя ей правду.

Про гамашу я сама, дусик, решила, что пошло и уже выложила их. Как аппетит у тебя? Как настроение?

Ну, пришел Средин, хочет писать меня. Кончаю, будь здоров, целую и обнимаю тебя несчетно раз, и кукиши целую, и глаза твои чудесные.

Дусик мой, дорогой.

Твоя Оля.

67. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

24 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Вчера не было письма от тебя, дорогой мой. Я беспокоюсь.

Тебе не надоели мои письма с дороги? Я их что-то много нацарапала. Разобрал все, или нет? — О, эти рыжие усы!! Как я их ненавидела! Как они пожимались и кланялись, и ехавши мимо церкви сняли шляпу и крестились за здоровье Антона Павловича. Глупо и нелепо было пить шампанское с чужим

для меня человеком, на берегу моря при заходящем солнце. А мне так хотелось быть одной, сидеть на берегу и передумывать все, что я пережила за последнее время. Ну, мимо, читатель, мимо.

Вчера была слякоть, сырость, холод, я мерзну все время. Днем в театре болтала с Вл. Ив., Вишневским. Сегодня буду обедать у Раевской с Лужским и Вишневским. С Кальфурнией меня что-то путают, я не пойму. Сказали бы прямо, что у Бутовой не идет, должна

играть я, ну и понятно. А то, что-то не ясно. Вл. Ив. сильно кажется волнуется. Вишневецкий все гудит что в банке осталось всего 25.000 р. Бурджалов ходит с страшно деловым видом. Про него острят что поездка с Бутовой скомпрометировала его и что у него уже есть «прошрое». Вечером вчера я заходила к Варваре Эберле. Она больна, лежит. Говорит что сердце перестает работать, ей делалось совсем дурно в театре. Лечится усиленно. В театре ею довольны. У нее живет Екат. Шенберг, еще барышня, зять Эберле, называется меблир. комн. Королева. Она сама, ничего, бодра. Вл. Ив. говорил мне что он ее будет помещать во все ученические стрывки, чтобы она скорее выбралась в актрисы.

Была там вчера Муратова, копировала экзаменовавшихся и я много хохотала. Была вчера я у Володи. Как у них уютно, славно в квартирке! Даже завидно стало. Просто прелесть. Эля укладывала Володин чемодан. Володя сегодня уезжает. Была у Надежды Ив., у моих старух, копировала им Федотову, когда она была у нас и они помирали со смеху.

А в общем я ото всего отвыкла. Точно чужая брожу всюду.

Как все нервны!

До завтра, дорогой мой, целую тебя много раз. Ставят ли тебе воду, кладут ли чистый костюм? Меняешь ли белье? Обнимаю и глажу.

Твоя Оля.

68. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

24 сент[ября] 1903 г. Москва].

Только что кончила письмо и в пачке писем нашла вдруг твое письмо, кот. пришло вчера, и я рассердилась на Аннушку. Вчера когда пришла домой первый вопрос был — есть ли письмо? И получила ответ: нет.

Голубчик, золотой мой, не сердись за телеграмму. Я на вокзале писала письмо тебе и уже к 2-му звонку еле успела попасть в вагон и умоляла Ш-ва послать сию минуту телеграмму. Значит он не послал сейчас-же! Прости, умоляю. Но я была такая растерянная, мне так хотелось написать тебе письмецо а не телеграмму. Не сердись, голубчик, не пиши пессимист. писем. Ты как литератор нужен, страшно нужен, нужен чтобы отдыхать, чтобы люди помнили что есть на свете поэзия, красота настоящая, чувства изящные, что есть души любящие, человеческие, что жизнь велика и

красива. А лиризм твой? Каждая твоя фраза нужна, и впереди ты еще больше нужен. Ох, если бы у меня был дар слова — сколько бы я тебе наговорила!! Выгони из себя ненужные мысли. Пожалей людей и почувствуй что ты им нужен. Не отдаляйся, а давай все что ты можешь дать из своей богатой души. Пиши, и люби каждое свое слово, каждую мысль, каждую душу, которую выныньчишь, и знай что все это не о б о д и м о для людей.

Такого писателя как ты — нет и нет, и потому не замыкайся, не уходи в себя.

Пьесы твоей ждут как манны небесной.

Посылку отправляю завтра. Все не найду мамаше гребеночку подходящую.

Целую тебя, целую руки твои и молю бога чтобы ты чувствовал себя хорошо.

Получаешь ли мои письма?

Твоя Оля лошадка.

69. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

25 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Собака моя бесхвостая, это письмо придет к тебе вероятно после того, как уже получишь телеграмму об окончании пьесы. Четвертый акт пишется легко, как будто складно и, если я его кончил не скоро, то потому что все побаливаю.

Сегодня мне легче, чем вчера, правда, но часов в 11 начало ломить в ногах, в спине, начался кашель. Все таки, думаю, теперь будет становиться все лучше и лучше. Третьего дня явился ко мне твой, как ты его называешь, «враг» Альтшуллер; я не дался выслушивать, но сказал насчет утренних обливаний.

Он всплеснул руками и запретил мне обливаться из губки. И теперь я умываюсь по старому, то есть через три-четыре дня у меня опять уже будет серая шея. Два утра я не обливаюсь, но состояние моего здоровья все таки прежнее, только как будто чувствую себя бодрее.

Вчера наконец был Костя. Явился он веселый, возбужденный, серый и тощий, в темных кисейных панталонах. Мы дали ему пообедать. Он ушел и вечером пришел опять с засорившимся глазом. Я стал делать операцию, операция, кажется, не удалась, но глазу полегчало. Сегодня рано утром он приезжал за бельем. Завтра у него кончается самая трудная работа. С Михайловским ладит.

Настя аккуратно меняет мне костюмы. В самом деле, так хорошо, хозяйственно. Вообще надо пожалеть, что я женился на тебе так поздно. Когда я пришлю пьесу, то постарайся сделать так, чтобы во время чтения (в фойе) Стаховича не было ¹.

Мне кажется, что в моей пьесе, как она ни скучна, есть что то новое ²! Во всей пьесе ни одного выстрела, кстати сказать ³. Роль Качалова хороша ⁴. Присматривай, кому играть 17-летнюю ⁵, и напиши мне.

Вчера я не писал тебе и вообще писал очень мало, потому что не здоровилось.

Целую тебя, моя радость, крепко обнимаю. Поклонись Вишневскому, Немировичу, Алексею и всем православным христианам.

Я замедлил с пьесой, скажи, что очень и очень извиняюсь.

Завтра придет от тебя письмо — пер-

вое из Москвы. Жду его с нетерпением. Ну, цуцук, не забывай, вспоминай.

Твой А.

1. А. А. Стахович — адъютант вел. князя Сергея Александровича, впоследствии — артист Художественного театра. Можно предположить, что для фигуры Гаева Чехов воспользовался некоторыми чертами Стаховича.

2. Для принципиального новатора, каким был Чехов, требование новизны было основным, которое он предъявлял к произведению искусства. В частности «Вишневый сад» казался ему новым своеобразным синтезом драматических и комических элементов.

3. Характернейшей чертой чеховской драматургии является замена в пьесах внешней сюжетности «подводным течением», т. е. игрою паузами, лирикой, даже пейзажем, созданием «настроения» и т. д. Этот процесс вытеснения внешней сюжетности проходил очень постепенно. Элемент «фабульности», а в частности и стрельбы убывает в пьесах Чехова в строго хронологической последовательности. Его большая юношеская пьеса без названия, изданная Центрархивом, изобилует мелодраматическими моментами. В «Иванове» герой застреливается на сцене на глазах у своей невесты, перед самым венчанием. В «Лешем» — опять самоубийство, но уже за сценой, и вдобавок пожар за сценой, романтические побег и т. д. В «Чайке» — опять самоубийство за сценой, выстрел слышен зрителем. В «Дяде Ване» — стрельба на сцене, но уже без жертв. В «Трех сестрах» — пожар за сценой, слышен набат, дуэль за сценой, слышен глухой выстрел. И только, наконец, в «Вишневом саде» — ни одного внешнего эффекта и «ни одного выстрела», как нашел нужным специально отметить Чехов.

4. Качалов исполнял роль студента Трофимова.

5. Аню, дочь Раневской. Ее играла М. П. Лилина.

70. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

25 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Сегодня холодно, дусик милый, надо окна замазывать. Хожу уже в теплом. Вся кожа болит, в боку какая то нервная боль, противно. Да еще вдобавок вчера сидела в Мал. театре с Раевской смотрела «Сын Жибуайе». Проспала половину и если бы не Раевская — я ушла [бы]. Отчаянно скучно. Федотова кри-

влялась. Лешковская мило гнусавила. Рыбаков грубо комиковал, один Ленский приятен и Южин ничего был. Но пьеса... о, о, о... Билеты достали только наверху в купонах. Никого не видела.

Обедала вкусно у Раевской с Лужским. Перета собирается писать тебе, я ей разрешила. Вас. Вас. изображал как играют Цезаря, копировал Станиславского.

Проводили вчера Володю за границу. Я была у стариков Bartels, откуда отправляли Володю и Ваню, Элиного брата, кот. учится в Антверпене. Говорила по немецки и надо мной хохотали.

Встретила на улице Чирикова, обещался зайти. Вчера без меня были Стахович с Вишневым и оставил Вишневский записочку, просит сегодня обедать у него. У него в Тюрби хороший повар и он по очереди кормит у себя всю труппу. Пойду. А завтра обедает у меня София Влад. с Володей и может быть Иван, а в воскресенье у меня родственник обед, т. е. мама с т. Лелей, Надежда Ив., Николаша. Был на днях Маклаков, но не застал меня. Сегодня хочу пойти посмотреть Пасхалову в Интерн. театре. Пока свободна — осматриваю все театры. Вчера у нас в конторе видела Эфроса, которому я всегда доставляю такое неудовольствие своим видом. Но что делать! Репетиций пока нет, возятся

с декорациями и я еще ничего не видела. Был еще вчера Сергей Саввич, но тоже не застал.

Деньги, дусик, трачу, на нужное. Заплатила за квартиру, купили дров, углей, купила платье простое, для каждого дня, начну шубку себе шить. А хорошо, кабы ты мне одеяльце привез, а то ты спишь здесь под моим, а у меня нет. Умывальник чудесный теперь.

Так ты ревнуешь к рыжим усам? О, дуся моя...

Пьесу буду ждать с нетерпением. Если ты только прийдешь ее прямо начальству а не мне — то разведусь с тобой, так и знай. Шнап каждое утро ураганом летит ко мне, когда я пью кофе, получает хлеб обмоченный в кофе, сахару и отправляется. Смешной он. — Целую тебя, дорогуля моя, сокровище мое, грейся на солнышке, кушай, поправляйся. Целую обнимаю и крещу тебя.

Твоя Оля.

71. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

(Телеграмма)

[26 сентября 1903 г. Ялта]

Четыре акта совершенно готовы пере-

писываю пришлю тебе здоровье поправляется тепло целую — Антуан.

72. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

26 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Вчера действительно не было письма от тебя. Не писал, или почта виновата? Сегодня праздник и пишу тебе на цветной бумажке, стараюсь писать мельче, т. к. бумажка формата не крупного. — Морозно, но солнечно. Колокола звонят.

Вчера мы превесело смотрели «Тьму» Тимковского. Сидели в 1-м бенеуаре: Раевская, я, Вишневский и Стахович. Я подбила ехать, а то одна не высидела бы. Вот ужас, скажу тебе! Вот банальщина, вот пустое место! Смешно было, а на сцене все разрывались. Подумай: 4 акта и за все это время у всех действующих лиц — драматич. лица и драмат. положения, т. е. выдуманные. Ни одного человеческого, жизненного слова, ни одной улыбки — это так похоже на Тимковского. Что-то невообразимое, нудное; непонятные страдания, непонятные люди. Смотрели знаменитую Пасхалову,

кот. все четыре акта делала безумные глаза, заламывала руки и безумно страдала. Мужчины были ужасны. Вообще я пойду туда только еще раз, чтобы посмотреть Пасхалову в человеческой роли. В театре было много знакомых. В ложе сидели Бунин, Найденов и Чириков с женой, приходили ко мне. Найденов без бороды, улыбающийся, Бунин бледный, истомленный, будет теперь в Москве. Я их позову обедать как-нибудь. Был Левинский, Любошниц, Эфрос, Пчельников, Шпажинский, кот. спрашивал о тебе, хотел тебя в какой-то комитет. Конечно все спрашивают о Вишневом саде. Было много наших артистов. Был твой друг Манасевич. Автор сидел в лит. бенеуаре. Порывались вызывать, но после 3-го сообщили что их в театре нет. Литературное трио¹ в ложе не вытерпело и уехало после 3-го акта. — Обедала я вчера у Вишневого с Стаховичем и Влад. Ив., кот. говорит, что

я скомпрометирована этим обедом. Я не нахожу. Ели стерлядки кольчиком, борщок, отбивн. котлеты, артишоки, печен. яблоки. Ал. Леон. был очень мил и радушен. Все стены в фотографиях и лентах.

Днем я была в своей гимназии, просила залу у Арсеньевой для Зинаиды Сергеевны, кот. по воскресеньям устраивает лекции по истории музыки. Видела всех учителей своих, Лопатина, бывш. учениц, много вспоминали и болтали. Приятно было.

Вчера после театра я до 2-х час. ночи читала, т. е. декламировала Калфурнию. Так вдруг захотелось поиграть ее, а буду ли играть — не знаю. Хотят возобновлять Одиноких. Это хорошо. Иоганнес — Качалов, Браун — Леонидов, старик — Лужский.

Дусик, как Вишневый сад идет?

Золотой мой, как мне хочется приласкать тебя, расцеловать, погладить! Не за кем мне ухаживать, некого умывать, одевать.

Вчера был у меня Алферов, муж сестры Вари Коссович, у кот. женская гимназия. Просил меня хоть изредка участвовать в чтениях для учащихся, устраив. педагогическим обществом, состоящ. при импер. моск. университете. Мне это нравится и я согласилась. В историч. музее, и аудитория приятная. Это не концертная эстрада, и потом это днем. И Алферов приятный.

Сегодня вечером пойду может быть в суд, наши все бегают, а я ни разу не была в суде, а давно хочется.

Ну, до завтра, голубчик мой нежненький. Целую тебя много раз и обнимаю.

Твоя Оля.

1. Т.-е. Бунин, Найденов и Чириков.

(Окончание следует)